

Ю. И. КРИВОНОСОВ

О БЕСЕДЕ МОЛОТОВА С АКАДЕМИКАМИ В 1934 г.*

В апреле 1934 г. было принято постановление Совета Народных Комиссаров СССР, утвержденное Политбюро ЦК ВКП(б) о переводе Академии наук СССР из Ленинграда в Москву. Ранее, в ноябре 1933 г., постановлением Политбюро «Об Академии наук СССР» она «отчислялась» от ЦИК СССР и подчинялась «во всех отношениях» Совнаркому СССР¹. Этими решениями завершался процесс «советизации» Академии, начавшийся в середине 1920-х гг. и резко обострившийся в 1929–1931 гг. Академия наук превращалась в государственную структуру, встроенную в систему советских учреждений как особое ведомство. Быстрый перевод Академии в Москву был не подготовлен и вызвал большие трудности и срыв в научной работе по многим направлениям. Часть академиков возражала против переезда, и в конце октября 1934 г. Политбюро ЦК ВКП(б) было вынуждено принимать специальное решение о поездке Н. И. Бухарина в Ленинград «для переговоров с президентом Академии Карпинским о его переезде в Москву»². В этих условиях власти сочли целесообразным организовать встречу руководства правительства с группой академиков, которая состоялась в конце декабря 1934 г.

Публикуемое ниже письмо ответственного секретаря Комиссии содействия ученым при Совнаркоме СССР Э. А. Асмуса Председателю СНК СССР В. М. Молотову приоткрывает еще одну страничку из жизни Академии наук в годы превращения ее в жесткую государственную структуру, а также говорит о внутренних противоречиях в академической среде, еще не установившихся взглядах на ее роль в системе научных организаций страны и на будущее развитие³.

Анализируя содержание документа, следует отметить несколько существенных, на мой взгляд, моментов.

На письме стоит гриф «сов.секретно», подчеркнутый жирной чертой адресатом. В самом содержании письма нет ничего секретного, тем более

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (код проекта 02-03-18108в).

¹ Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) — КПСС. 1922–1952. М.: РОССПЭН, 2000. С. 139, 141.

² Академия наук в решениях... С. 162.

³ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 82. Оп. 2. Д. 929. Л. 7–9.

«совершенно». Секретной, несомненно, была форма передачи информации. Для одного из руководителей Комиссии содействия ученым вряд ли было желательным, чтобы кто-то из непосвященных, тем более членов Академии, с которыми он приватно беседовал или разговоры которых слышал в кулуарах научных собраний, знали о такой его деятельности. Впрочем, кто-то мог и знать об этом и говорил то, что, по его мнению, хотела услышать власть, или то, что создавало положительное мнение о говорившем. Нужно сказать, что анализ большого массива различных архивных материалов того времени говорит об особой любви аппаратных работников к засекречиванию документов. Вероятно, по их мнению, это прибавляло таким материалам большую значимость. Да и существовавшая партийно-государственная система поощряла, а часто и жестко регламентировала сокрытие информации. О значении, которое Молотов придавал полученным сведениям, говорит его резолюция на письме — он направил его «к сведению» всем тогдашним своим заместителям по правительству: В. В. Куйбышеву, бывшему одновременно председателем Госплана, В. Я. Чубарю, Я. Э. Рудзутaku и В. И. Межлауку⁴. Первые фразы письма о том, что его беседа с академиками вызвала широкие отклики в научных кругах, он подчеркнул.

Обобщая мнения, бытовавшие в академических кругах после переезда Академии наук в Москву, на которые ссылается в своем письме Э. Асмус, можно констатировать наличие серьезных разногласий внутри академического сообщества между «старыми» (не всегда по возрасту, а по времени пребывания в Академии) и вновь избранными уже после 1929 г. членами Академии, а также сторонниками ориентации на преимущественное развитие фундаментальных исследований («фетиш “чистой” науки») и учеными, стоявшими ближе к производственной практике.

Несомненно, что правительство в первую очередь было заинтересовано в развитии исследований практической направленности и в приближении работ Академии к нуждам промышленности. Уже в ноябре 1935 г. было принято окончательное решение о создании в составе Академии Отделения технических наук, казавшееся для многих членов Академии возможным только в перспективе. О реакции в академических кругах на содержание беседы с Молотовым можно судить по фрагменту письма Э. А. Асмуса о его беседе с А. Ф. Иоффе: «В Академии зашевелились, устроили сейчас же после беседы экстренное заседание Президиума о перестройке работы». Из письма следует, что В. П. Волгин, бывший в то время Непременным секретарем Академии наук, во время беседы с Молотовым ставил вопросы финансового и материального обеспечения работ — «сметы Академии» —

⁴ Судьба заместителей Молотова, которым адресовалось письмо для ознакомления, сложилась трагически. В. В. Куйбышев умер через несколько дней, 25 января 1935 г., в возрасте 47 лет. Чубарь, Рудзутак и Межлаук по указанию Сталина проходили на процессах «врагов народа» в качестве обвиняемых и были расстреляны в 1937–1938 гг. Такая же участь постигла и автора письма Э. А. Асмуса, а Комиссия содействия ученым была ликвидирована.

это увело разговор от содержательных проблем научной деятельности и поставило Академию в «неудобное положение». Ссылаясь на мнения академиков Н. Д. Зелинского, С. А. Чаплыгина, А. А. Борисяка и других собеседников, Э. А. Асмус отмечает понимание в академической среде необходимости перестройки работы — «работы по-новому», но ясности, в каком направлении должна идти перестройка, не было. Об этом говорит и упоминание о мнении коммунистов-академиков.

Интересно упоминание в письме о группе академиков, практически не участвовавших в ее деятельности, «целиком поглощенных в работу и строительство» (И. Г. Александров, Б. Е. Веденеев, А. В. Винтер). В то время еще было возможно предложение Б. Е. Веденеева, специалиста в области энергетики и гидротехники, о поправке к уставу Академии, разрешающей академикам добровольно отказаться от звания академика с правом перевода в члены-корреспонденты (!). Как писал Э. А. Асмус, «академик Веденеев, никогда не участвовавший в практической работе Академии наук, чувствует определенную неловкость». В дальнейшем академики с подобными предложениями не выступали и независимо от степени участия в работе Академии чувства неловкости не испытывали. В целом документ дает возможность почувствовать «дух того времени» и лучше понять ситуацию в самой Академии и вокруг нее.

КОМИССИЯ СОДЕЙСТВИЯ УЧЕНЫМ
при Совете Народных Комиссаров Союза ССР

Сов. секретно

Москва, Скатертный пер., 4
тел. 3-12-67; 3-13-64
8.1.1935

Председателю Совета Народных
Комиссаров Союза ССР

В. М. Молотову

Вячеслав Михайлович!

Ваша беседа с академиками 22.12.34 года вызвала широкие отклики в научных кругах. Считаю необходимым сделать небольшую информацию об этих откликах, дошедших до меня лично и моих сотрудников, причем оговариваюсь, что эта информация не носит характера специальной разработки вопроса.

Академик Иоффе в личной беседе со мной сообщил, что беседа произвела очень большое впечатление на всех присутствующих. В Академии зашевелились, устроили сейчас же после беседы экстренное заседание Президиума на тему о перестройке работы. Иоффе, как и другие, считает, что Волгин поставил их в неудобное положение, мобилизовав академиков для разговора преимущественно по вопросам сметы Академии, когда с правительством надо было, конечно, говорить о более принципиальных вопросах. Всем понятно, что правительство недовольно работой Акаде-

От т. Асиуса 53

КОМИССИЯ ВОДЕЙСТВИЯ НАЧЕННЫМ ПРИ СОВЕТЕ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР 7

Сов. секретно

Москва, Скаторый пер., 4.
Тел. 3-12-67; 3-13-64.

Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР

В.М. Молотову

Вячеслав Михайлович!

Ваша беседа с академиками 22.12.34 года вызвала широкие отклики в научных кругах. Считаю необходимым сделать небольшую информацию об этих откликах, дошедших до меня лично и моих сотрудников, причем оговариваясь, что эта информация не носит характера специальной разработки вопроса.

Академик Поффе в личной беседе со мной сообщил, что беседа произвела очень большое впечатление на всех присутствовавших. В Академии зашевелились, устроили сейчас же после беседы экстренное заседание президиума на тему о перестройке работы. Поффе, как и другие, считает, что Волгин поставил их в неудобное положение, мобилизовав академиков для разговора преимущественно по вопросам сметы Академии когда с правительством надо было, конечно, говорить о более принципиальных вопросах. Всем понятно, что правительство не довольно работой Академии, что нужна не только организационная перестройка, но существенная теоретическая научная работа.

мии, что нужна не только организационная перестройка, но существенная теоретическая научная работа.

Мнение академиков Чаплыгина и Зелинского сводится вкратце к следующему. Переводом Академии наук в Москву правительство сказало, что надо заставить академиков работать. Неправильно толковать перевод как только перевод в техническом смысле этого слова. Речь ясно идет о том, чтобы приближением Академии наук к правительству заставить Академию перестроить работу. По их мнению, правительство первый раз так прямо и резко разговаривало с академиками. В то же время они подчеркивают, что академики загружены административной работой. Это мешает им вплотную заняться научной работой.

Секретарь Академии наук академик А. А. Борисяк, стоящий непосредственно у руководства Академией, прямо заявляет, что «после беседы надо работать по-новому, но как по-новому, этого мы еще не знаем».

Интересны сведения, дошедшие до меня о мнении коммунистов-академиков, считающих, что эта беседа показала, что руководство партии и пра-

вительства больше знают об Академии и о необходимых путях ее развития, нежели коммунисты-академики, непосредственно в ней работающие.

Академик УССР, анатом Воробьев, в разговоре со мной сказал, что «проучить Академию следует: мертвое это учреждение».

Ряд крупнейших ученых считают вполне обоснованным и правильным, что «встряска Академии наук продолжается и, по-видимому, будет продолжаться решительно». Они понимают, что, разумеется, дело совсем не в том, что Академия наук была далеко от Москвы и нужно было сдвинуть эту машину со старых мест и разрядить медлительную и патриархальную академическую атмосферу. В этом смысле высказался известный профессор химии И. И. Китайгородский, работающий в Экспериментальном институте стекла и в Менделеевском институте.

То же говорил член-корреспондент Академии наук Б. С. Кулебакин, работающий в Московском химическом институте. Он указывает, что положение дел в Академии наук дает достаточно оснований даже для более резких и требовательных разговоров, чем тот, в котором велась беседа. Он указывает, что в Академии наук до сих пор сильна старая группа академиков, для которых еще остается священным фетиш «чистой» науки. Это очень определенно выявилось теперь при обсуждении вопроса о создании технического отделения Академии. Кулебакин считает образование технического совета только компромиссом и переходной стадией ввиду нежелания академиков создать техническое отделение Академии. Старики говорят, что если увеличивать количество специальных областей Академии наук, то, уж, конечно, не по техническим дисциплинам. Так называемые «чистые» теоретики питают недоверие к научным исследованиям, например в области машиностроения, и порой даже изумляются тому, что, скажем, о двигателях написаны многотомные работы. Кулебакин указал на тот факт, что академик Вернадский на декабрьской сессии Академии говорил, например, что он своевременно предостерегал от перевода Академии в Москву, он даже написал заявление и просил его разослать многим лицам, но Секретариат его просьбы не выполнил и разослал только действительным членам Академии.

Член-корреспондент Академии Я. И. Шпильрейн, теоретик-электрик, говорит о беседе с академиками с удовлетворением и с удовольствием.

Интересно, что некоторые собеседники определенно указывают на то, что большинство старых академиков далеки от нашего строительства и его запросов, а академики, которые целиком поглощены в работу и строительство, как Винтер, Веденеев, Александров и др., очень далеки от работы Академии. Для последних звание академика является скорее знаком почета. В связи с этим вспоминается обсуждение на последней сессии Академии поправки академика Веденеева к проекту нового устава Академии, в котором он предложил разрешить академикам в течение трех лет после избрания отказаться от звания академика с правом перевода в члены-корреспонденты. Совершенно понятно, что академик Веденеев, никогда не участвовавший в практической работе Академии наук, чувствует определенную неловкость.

Э. АСМУС

Ответственный секретарь Комиссии

СВОИМ ПУТЕМ

(историк науки и техники Л. И. Уварова)

Жизненный опыт любого человека уникален и ценен.

Жизнь и судьба такого человека, как Лидия Ивановна Уварова, которая без малого вот уже полвека трудится в Институте истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН и прошла путь от начинающего исследователя до признанного профессионала в такой специфической области, как история науки и техники, интересны и поучительны вдвойне. На ее глазах и при ее непосредственном участии происходило становление и формирование отечественной школы истории науки и техники; на ее жизненном и творческом пути встречались выдающиеся ученые и изобретатели, создатели нового фундаментального знания и замечательные историки науки и техники, чье творческое наследие уже стало классическим.

Жизнь самой Лидии Ивановны во многом типична для нашего соотечественника — человека XX столетия. Детство, счастливое несмотря ни на что, скудость быта и строгость жизненного уклада, учеба в школе, увлечения, выбор пути и вхождение в самостоятельную жизнь, война, сметавшая все и вся, борьба за физическое выживание, забота об отце и матери и превращение самой в родителя... наконец, приход в историю науки и техники, как у каждого в этой странной и редкой профессии, свой собственный, ни на чей не похожий.

Зримым результатом научного творчества стали более ста опубликованных работ, в том числе серия монографий, много больших коллективных трудов, изданных в нашей стране и за рубежом. Работы Л. И. Уваровой, посвященные истории и теории науки и техники, научно-технического прогресса, историографии техники машинного производства, документоведению и источниковедению, свидетельствуют о широте тематического диапазона и, одновременно, о цельности исследовательских интересов.

Если первая книга Л. И. Уваровой «Развитие средств передачи механической энергии» вышла в 1960 г., то следующая — более чем через десять лет. Этот разрыв образовался из-за пяти лет вынужденной работы в должности научного сотрудника-консультанта Научно-организационного отдела Президиума АН СССР. Зато после возвращения в «родные пенаты» Л. И. Уваровой была опубликована монография «Научный прогресс и разработка технических средств» (М., 1973), которая, по ее собственной оценке, является наиболее важной и актуальной для того времени. В этом исследовании, основанном на большом историко-техническом и историко-научном материале, проведен анализ процесса накопления знаний и их